

В. Папава,

член-корреспондент АН Грузии,
научный руководитель Института
экономики им. П. Гугушвили АН Грузии

О ТЕОРИИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

О готовности экономической теории ответить на вызовы времени. Экономическая наука имеет многовековую историю, но она не всегда оказывалась готовой вовремя дать правильный и полный ответ на вопросы, которые ставились жизнью. Но это "отставание" все время наверстывалось, как правило, в течение нескольких лет, что впоследствии давало новый импульс для проведения практических и высокоэффективных шагов в последующем развитии целых стран. История возникновения и развития кейнсианства тому наиболее наглядный пример. Несмотря на это, а также на другие успешные примеры в истории экономической науки, западные экономисты часто ставят вопрос о кризисе современной экономической мысли в отношении способности разрешения вопросов самой капиталистической экономики и видения будущего ее развития¹.

Крах коммунистических режимов в странах Восточной Европы и СССР, почти одновременный с этим развал последнего и возникновение пятнадцати независимых государств поставили на повестку дня новые проблемы, решение которых выходит за рамки тех, ставших уже классическими, схем, которые нарабатывались экономической наукой в течение всей предыдущей истории. Суть проблемы заключается в трансформации коммунистически ориентированной экономической системы в рыночную, что для государств, образовавшихся в результате развала федеративных образований – СССР, СФРЮ, Чехословакии – и не являющихся непосредственными правопреемниками этих федеративных государств, осложняется задачей построения экономических (и не только) основ собственной государственности², и что, по нашему мнению, не все-

¹ Хейлбронер Р. Научный анализ и видение в истории современной экономической мысли. – Вопросы экономики, 1993, М 11; Heilbroner R., Milberg W. The Crisis of Vision in Modern Economic Thought. Cambridge (USA), Cambridge University Press, 1996.

² Balcerowicz I. Socialism, Capitalism, Transformation. Budapest, CEU Press, 1995. p. 146; Papava V. The Georgian Economy: From "Shock Therapy" to "Social Promotion", - Communist Economies & Economic Transformation, 1996, vol.8, No. 8, p. 252; Papava V. The Georgian Economy: Main Directions and Initial Results of reforms. In: Systemic Change in Post-Communist Economies. Selected papers from the Fifth World Congress of Central and

гда принималось во внимание реформаторами и их западными советниками¹. Неслучайно, что данное историческое явление относится к наиболее значительным событиям конца двадцатого столетия (более того, переход к рыночной экономике может быть рассмотрен как глобальный всемирный процесс²), влияние которого на развитие экономической мысли сравнивается с Великой депрессией 30-х годов нашего века, с ее преодолением, реконструкцией Европы после Второй мировой войны и т.п. (согласно Дж. К. Гэлбрейту, данное событие стоит в ряду двух мировых войн, в качестве одной из трех величайших вех, которыми было отмечено двадцатое столетие).

Проблемы перехода к рынку в некоторых исследованиях освещаются в рамках понятия "экономического чуда"³ (по аналогам немецкого, японского, итальянского, испанского, португальского, бразильского, мексиканского и др. "чудес"), а в последнее время особенно распространены ссылки на опыт Восточноазиатских стран. Последний финансовый кризис XX столетия, потрясавший эти страны, ставит под сомнение применимость понятия "чуда" к проблемам экономической динамики.

East European Studies, Warsaw, 1995. Ed. by P.G. Hare. London, Macmillan Press Ltd., 1999, p. 267; Milanovic B. *Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*. Washington, the World Bank, 1998, p. 3. Данной проблеме посвящены и специальные исследования, например: Schmitter P.C. *Dangers and Dilemmas of Democracy*. - *Journal of Democracy*, 1994, March.

Об опыте Грузии в решении задачи единовременного создания основ экономической самостоятельности и перехода к рынку см., например, Папава В.Г., Ахметели Р.О. *Грузия на пути к экономической самостоятельности*. Тбилиси, Мецниереба, 1990; Папава В.Г. *Грузия на пути к рыночной экономике*. Тбилиси, Мецниереба, 1995.

Проблема реформирования имевшихся в коммунистическое время государственных институтов освещается, например, в: Nunberg B/ *The State After Communism: Administrative Transitions in Central and Eastern Europe*. Washington, The World Bank, 1999.

¹ Значительно "упрощенным" представляется процесс перехода к рыночной экономике бывшей ГДР, так как ему предшествовал процесс объединения с Западной Германией (Барфус К. *История экономики Германии после Второй мировой войны*. В кн.: Менеджмент и рынок: германская модель. Под ред. У. Рора, С. Долгова. М., БЕК, 1995, сс. 58-66; Альбах Х. *Цветущие ландшафты? К исследованию трансформационных процессов*. В кн.: *Проблемы трансформации и перехода к регулируемой рыночной экономике*. Под ред. Э.Н. Крылатых, В.В. Герасименко, В.К. Фальцмана. М., ТЕИС, 1999; Berliet H.- U. *The Triple Revolution: Administrative Transformation in the Former GDR*. In: Nunberg B. *The State After Communism: Administrative Transitions in Central and Eastern Europe*.)

² Berend I.T. *End of Century Global Transition to a Market Economy: Laissez - Faire on the Peripheries?* In: *Transition to a Market Economy at the End of the 20th Century*. Eleventh International Economic History Congress, session A-3, September 12-17, 1994, Milan, Italy. Ed by I.T. Berend. Munchen: Südsteuropa-Ges., 1994, pp. 9-54.

³ "Экономические чудеса": уроки для России. Под ред. Кузина Д. В. М., ОЛМА-ПРЕСС, 1994; Buch C.M., Heinrich R.P. *The End of the Czech Miracle? - Kieler Diskussionsbeiträge*, 301. Kiel, Germany, Institut für Weltwirtschaft, 1997; Andor L., Summers M. *Market Failure. A Guide to the East European "Economic Miracle"*. London, Pluto Press, 1998.

То, что современная экономическая наука пока еще не всегда готова дать теоретически обоснованные и к тому же исчерпывающие ответы на многие злободневные вопросы перехода к рыночной экономике, признается многими видными экономистами современности; можно утверждать, что экономической теории перехода к рыночной экономике пока не существует. При этом не следует сбрасывать со счетов, что, по всей видимости, для многих западных экономистов проблемы даже планового развития, не говоря о проблемах перехода, воспринимаются как временное отклонение от общепринятой нормы, а потому, по их мнению, не следует утруждать себя исследованием временных явлений¹. Однако ряд признанных в мире экономистов считают, что начиная с 90-х годов XX века проблема перехода должна выдвинуться в центр внимания экономистов² и, как следствие, даже проблемы самой экономической теории рассматриваются на фоне постсоциалистического переходного развития.

О терминологии трансформации. Необходимо сделать одно немаловажное замечание, на которое, к сожалению, не обращается достаточного внимания. Речь идет о терминологии: для экономики стран посткоммунистического развития распространенными являются термины "экономика переходного периода", "переходная экономика" ("Economy in Transition", "Transitional Economy"), которые являются весьма туманными, ибо неясно, о каком переходе идет речь. Необходимо отметить, что по общепринятому определению к странам с "экономикой переходного периода" ("economies in transition") относятся страны Восточной Европы, бывшие республики СССР, Китай и Монголия, хотя в мире довольно много стран (только в Африке порядка 30), которые находятся в процессе перехода от экономики с централизованным планированием к рыночной.

Кроме современных явлений перехода экономики к рынку (которые также можно делить на две группы: традиционной переходной экономики, прежде всего, для стран Тропической Африки и Южной Азии, и переходной экономики нового типа – для стран Восточной Европы, новых независимых государств на территории бывшего СССР, Китая и некоторых латиноамериканских стран), истории XX века известны и такие события, как, например, переход от капитализма к социализму, в частности, в бывшем СССР, или переход от капитализма к постиндустриальному, постэкономическому обществу, или переход от современного капитализма к социализму, на что указывают некоторые ученые³, или пе-

¹ Аукуционек С. Теория переходной экономики и ее место в ряду экономических наук. – Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 10, с. 11.

² Galbraith J.K. Economics in the Century Ahead. In: The Future of Economics, p. 46.

³ Например, Coates D. Haborism and the Transition to Socialism. - New Left Review, 1981, No 129, September-October, pp. 3-22; Coates D. Space and Agency in the Transition to Socialism. - New Left Review, 1982, No 135, September-October, pp. 49-63;

переход от сталинизма к социалистической рыночной экономике, или же переход к значительному росту производства в экономике США¹. По Дж. К. Гэлбрейту можно рассмотреть процесс перехода к "обществу изобилия" ("Affluent Society"²). В последнее время встает вопрос о формировании киберпространства (Cyberspace), киберхозяйства (Cybereconomy), суверенного индивида³. Согласно П. Ф. Дракеру, в настоящее время человечество находится в процессе перехода к единой системе всемирного хозяйства, к посткапиталистическому обществу⁴. Более того, практически все более или менее серьезные экономические процессы, протекающие в различных регионах мира и даже в отдельных странах, можно рассмотреть в едином контексте перехода в мировой экономике⁵.

Л. Бальцерович предлагает следующую схему исторически известных процессов "перехода": 1. "Классический переход", означающий расширение демократии в передовых капиталистических странах в 1860-1920 годах; 2. "Неоклассический переход", проявившийся в демократизации капиталистических стран после Второй мировой войны (Западная Германия, Италия и Япония в 40-х, Испания и Португалия в 70-х, некоторые Латиноамериканские страны в 70-х и 80-х, Южная Корея и Тайвань в 80-х годах); 3. "Рыночно-ориентированные реформы" в некоммунистических странах (Западная Германия и другие западные страны после Второй мировой войны, Южная Корея и Тайвань в ранних 60-х, Чили в 70-х, Турция и Мексика в 80-х, Аргентина в 90-х годах); 4. "Азиатский посткоммунистический переход" (Китай с поздних 70-х и Вьетнам с поздних 80-х годов)⁶. В рамках конструкции "государства благосостояния" весь мир может быть рассмотрен в процессе перехода в данном направлении⁷. В свете формирования Нового мирового порядка ("New World Order") термин "переход" приобретает более общее определение как набор стратегий, который позволяет обществу определить и достичь заданного порядка при наименьших потерях⁸.

Brown M.B. Models in Political Economy . A/ Guide to the Arguments. London, Penguin Books, 1995, pp. 334-356; Бузгалин А.В. Переходная экономика, сс. 23 – 32.

¹ The American Economy in Transition. Ed. by M. Feldstein. Chicago, The University of Chicago Press, 1980.

² Galbraith J.K. The Affluent Society. Fortieth Anniversary Edition. Boston, A Mariner Book, 1998, pp. 209-216.

³ Davidson J.D., Rees-Mogg W. The Sovereign Individual. The Coming Economic Revolution. How to Survive and Prosper In It. London, Pan Books, 1998, pp. 11-39.

⁴ Drucker P.F. Post-Capitalist Society. New York, Harper Business, 1993.

⁵ The World Economy in Transition. What Leading Economists Think. Ed. by R. Hinchshaw. Cheltenham, Edward Elgar, 1996.

⁶ Balcerowicz L. Socialism, Capitalism, Transformation, p. 145.

⁷ Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies. Ed. by G. Esping-Andersen. London, SAGE, Publications, 1997.

⁸ Calkins P., Vezina M. Transitional Paradigms to a New World Economic Order. - International Journal of Social Economics, 1996, vol. 23, No. 10/11, p.311.

Другим примером обобщенного подхода к "переходному периоду" является его определение как периода времени протекания процесса исторического выбора. Поэтому, по мнению автора этого определения, почему-то неверно применять данное понятие в отношении "перехода к рынку" из-за определенности такого выбора¹. Обобщающим является также определение "переходной экономики" как "смутного в психологическом и теоретическом отношении состояния между двумя способами регуляции", разделенными между собой "системными или шокowymi переломами", различающимися между собой "по силе и продолжительности"².

Примером обобщенного подхода к "переходным процессам" является и их осмысление на основе т.н. теории катастроф. В частности, эти "процессы" в узком смысле характеризуют переход от одной системы социально-экономической системы к другой, т.е. межсистемную трансформацию, а в широком – любые изменения этой системы³.

К числу обобщенных подходов к "переходным процессам" можно отнести и институциональный анализ эволюции перехода к развитию в различных странах мира⁴.

Очевидно, что общепринятого определения терминов "переходный период", "экономика переходного периода" пока не выработалось.

На фоне всех перечисленных примеров, когда речь идет о посткоммунистическом переходе к рынку, или хотя бы, говоря словами Дж. К. Гэлбрейта, к чему-то приближенному к рыночной экономике, по нашему мнению, необходимо это специально оговорить и не ограничиться общими, расплывчатыми формулировками, тем более, что этот процесс не имеет исторических аналогов.

Чтобы исчерпать терминологический вопрос, к сказанному добавим, что из двух терминов "постсоциалистический" и "посткоммунистический" относительно общих проблем перехода к рыночной экономике, нами предпочтение отдается второму термину, как более обобщенному, характеризующему предыдущую (до начала перехода к рынку) ориентацию развития соответствующих стран⁵. Это вполне объяснимо, если учесть различие в марксовой, советской, китайской, югославской и африканской моделях социализма, не говоря уже о том, что

¹ Ракитская Г. Общественно-экономические стратегии в современной России. Вопросы экономики, 1996, № 8, с. 87.

² Кузнецов В. К теории переходной экономики. Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 12, сс. 5-6.

³ Шурғалина И.Н. Реформирование российской экономики. Опыт анализа в свете теории катастроф. М., РОССПЭН, 1997, сс. 66 – 67.

⁴ Intriligator M.D., Braginsky S./ Bowen II J.R., Tullock G., Root H.L. Role of Market Institutions in Pacific Rim Development and Transition. - Contemporary Economic Policy, 1999, vol. 17, No 1.

⁵ Меньшиков С.М. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку. М., Международные отношения, 1996, сс. 17-22.

термин "социализм" в отличие от термина "коммунизм" имеет и такие оттенки, которые, как правило, формулируются дополнительными определениями типа "фашистский", "исламский" или "шведский" и которые никак не относятся к экономическим системам, до недавнего времени культивировавшимся в странах Восточной Европы и СССР¹ (и которые определялись, соответственно, как "восточноевропейский" и "советский" социализм, или даже как "псевдосоциализм"², либо "квазисоциализм"³).

Два пути посткоммунистической трансформации. Непригодность многих классических схем экономической теории для посткоммунистического перехода к рынку предопределило начало этого процесса на основе метода "проб и ошибок". Первые консультанты, приезжавшие с Запада для помощи реформаторам в посткоммунистических странах, как правило, ограничивались общими формулировками о преимуществах рыночной системы и о необходимости скорейшего перехода к рынку.

К настоящему времени, на основе обширного эмпирического материала, уже появились первые теоретические обобщения. Произошло первое размежевание экономистов по посткоммунистическим реформам на сторонников "шока" и "градуалистов" (gradual-постепенный). Это размежевание соответствует двум наблюдаемым на практике путям реформирования. Первый из них – известный под названиями "шоковой терапии" или "Big Band" ("большого удара", "большого рывка", "большого скачка"), или "Bitter Pill" ("горькая таблетка") – основывается на максимизации числа радикальных преобразований в кратчайшие сроки⁴, а второй – называемый "постепенным реформированием" – предполагает постепенное проведение частичных реформаторских перемен и поэтапное их углубление⁵. Поэтому неслучайно, что спор о пост-

¹ Сравнительный анализ различий проблем перехода к рынку в постфашистских и посткоммунистических странах дается в работе: Олсон М. Распределение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста. Экономика и математические методы, 1995, т.31, вып.4, сс. 53 – 54.

² Например, Микульский К. О современной фазе системного кризиса постсоциалистического общества и механизмах его преодоления. Общество и экономика, 1999, № 10-11, с.8.

³ Например, Симония Н. Методологические проблемы моделей социально-экономического развития. Общество и экономика, 1999, № 10-11, с.14.

⁴ Следует отметить, что "шоковая терапия" почти идентична "Вашингтонскому консенсусу", на котором базируются рекомендации Международного валютного фонда для реформирующихся в рыночном направлении стран.

⁵ От плана к рынку. Отчет о мировом развитии – 1996. Вашингтон, Всемирный банк, 1996, с. 11 – 16.

И. Беренд считает, что в действительности имеются три (а не два, как было сказано выше) пути, три стратегии посткоммунистической трансформации: градуализм (сформировавшийся в Венгрии), "шоковая терапия" (польско-чехословацкого происхождения) и "третий путь" ("Third Road") (родиной которого являются Балканские страны); суть последней заключается в постепенном (затяжном) градуализме

коммунистических реформах зачастую ограничивается обсуждением вопроса о скорости (постепенности) их проведения.

Метод "шоковой терапии" основывается на ортодоксальном сценарии макроэкономической стабилизации, когда ликвидация (или хотя бы минимизация) дефицита бюджета и проведение жесткой денежно-кредитной политики при фиксировании номинальной денежной массы или обменного курса валюты осуществляется быстро, в кратчайшие сроки. При этом успех во многом зависит от политической стабильности¹.

Гетеродоксным, или неортодоксальным является сценарий макроэкономической стабилизации, основанный на жесткой бюджетной и денежно-кредитной политике в условиях регулирования цен и доходов. Такой подход, как правило, применяется в тех странах, где реализация программ стабилизации не имела положительных результатов, и с целью обеспечения временной (именно временной) поддержки со стороны населения наряду с мероприятиями ортодоксального характера прибегают к регулированию цен и доходов.

Метод "шоковой терапии" впервые был применен после второй мировой войны для реформирования экономики Западной Германии. Новое "дыхание" этот метод получил в посткоммунистической Польше² и в различных вариациях был реализован во многих других посткоммунистических странах³.

Сторонники "постепенного реформирования" свою критику метода "шоковой терапии" строят на основе иллюстрации противоречивости и

(gradual gradualism), когда переход к рынку сильно затягивается во времени путем приватизации исключительно малых предприятий, ограничения частного сектора торговли, обслуживанием и туризмом и т.п. (Berend I.T. *Alternatives of Transformation: Choices and Determinants - East-Central Europe in the 1990s*. In: *Markets, States, and Democracy: the Political Economy of Post-Communist Transformation*. Ed. by B. Crawford. Boulder, Westview Press 1995, pp. 133-137). Самостоятельное рассмотрение "третьего пути" может быть полезным исключительно для целей исследования особенностей градуализма в качестве одного из проявлений последнего.

¹ Jochem A. *Monetary Stabilization in Countries in Transition*. - *International Advances in Economic Research*, 1999, vol. 5, No. 1.

² См., например, Balcerowicz L. *Socialism, Capitalism, Transformation*, pp. 273-369; Johnson S., Kowalska M. *Poland: The Political Economy of Shock Therapy*. In: *Voting for Reform. Democracy, Political Liberalization, and Economic Adjustment*. Ed. by S. Haggard, S.B. Webb. Oxford, Oxford University Press, 1994; Wellisz S. *Inflation and Stabilization in Poland, 1990-1995*. In: *Macroeconomic Stabilization in Transition Economies*. Ed. by M.I. Blejer, M. Škreb. Cambridge, Cambridge University Press, 1997; Наринский Р. Экономическая программа правительства Т. Мазовецкого. - *Вопросы экономики*, 1990, № 4, с. 101 - 111; Алексашенко С. Экономическая реформа: польский путь. - *Мировая экономика и международные отношения*, 1990 № 7, с. 17 - 22.

³ Об опыте макроэкономической стабилизации в некоторых странах, образовавшихся после распада СССР, см.: Stroeve E.S., Bliakhman L.S., Krotov M.I. *Russia and Eurasia at the Crossroads. Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States*. Berlin, Springer, 1999, pp. 285-352.

нецелесообразности проведения реформ ускоренными темпами¹ и обоснования тем самым оправданности постепенных и поэтапных преобразований².

По нашему мнению, главная ошибка "градуалистов" состоит в том, что они не всегда учитывают очень важные практические условия, которые вполне возможно возвести в ранг **необходимых** условий постепенного реформирования. Прежде всего, для успешного проведения постепенных реформ необходимы политические гарантии того, что, во-первых, первоначальные мероприятия будут восприняты обществом как успешные, и во-вторых – правительству удастся сохранить контроль над экономическими процессами после начатой частичной либерализации. Жизнь показала, что во многих странах, проводивших такие реформы, это необходимое условие не было соблюдено³.

Вторым **необходимым** условием практической реализации градуализма является также финансовое обеспечение реформ исключительно за счет собственных ресурсов. Это объясняется тем, что для успешного проведения реформ необходима их значительная финансовая поддержка, и, если у страны таких ресурсов нет, то она вынуждена обратиться за помощью к международным финансовым организациям, странам "Большой семерки". Согласно установленному ими порядку приоритет в принятии решения отдается Международному валютному фонду, который, как было отмечено, руководствуется "Вашингтонским консенсусом", т.е. придерживается схемы "шоковой терапии".

Классическим примером страны "постепенного реформирования" является Китай. Возможности же распространения китайского опыта весьма и весьма ограничены из-за негарантированности соблюдения вышеуказанных необходимых условий постепенного проведения экономических преобразований.

Принципиальная невозможность применения опыта китайских реформ в бывшем СССР исходит из того, что М.С. Горбачев был поставлен в условия, когда "стараниями" Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева политическая власть лидера КПСС была ослаблена и рассредоточена между бюрократами различных иерархических ступеней партийно-государственной системы, в то время как Дэн Сяопин, выступая против крайностей маоизма, использовал сильные властные структуры, создан-

¹ Спор между сторонниками "шоковой терапии" и "градуалистами" часто напоминает "театр абсурда" (Adams W., Brock J.W. Adam Smith Goes to Moscow. A Dialogue on Radical Reform, p. XV). Наилучшим примером этого является представление сторонников "шоковой терапии" как последователей Маркса, а градуалистов как представителей немецкой исторической школы (Автономов В. "Рыночное поведение": рациональный и этический аспекты. Мировая экономика и международные отношения, 1997, № 12, сс. 6-7).

² См., например, Крегель Я., Мацнэр Э., Грабхер Г. Рыночный шок. Вена, 1992.

³ От плана к рынку. Отчет о мировом развитии – 1996, с. 13.

ные в эпоху "культурной революции". При этом "перестройке" М.С. Горбачева противостояла инерция застоя, а Дэн Сяопин начинал реформы на "руинах", порожденных т.н. "культурной революцией" (Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М., Республика, 1996, сс. 28-32). Иначе говоря, наиболее подходящая в политическом плане возможность проведения китайских реформ в бывшем СССР была сразу после смерти И.В. Сталина.

"Секрет" успеха китайских реформ объясняется, во первых, высокой долей внутреннего инвестирования (почти 40% валового внутреннего продукта); во вторых, стабильностью правительственной политики постепенного внедрения рыночных инструментов прежде всего через "свободные экономические зоны", в третьих, преимуществом привлечения в качестве менеджеров китайцев, большое количество которых живет в развитых странах, и в четвертых, относительно низкой долей занятости на крупных государственных предприятиях (только 18 %) (Thurow L.C. The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. New York, Penguin Books, 1996, pp. 53-58). Исходя из данного объяснения успеха китайских реформ становится очевидным, что далеко не все посткоммунистические страны имели объективные предпосылки для "постепенного реформирования" экономики. Следовательно, можно заключить, что успех "градуалистического" подхода в Китае полностью определяется спецификой этой страны, и ни в коей мере не доказывает преимущества градуализма как такового (Богомолов О.Т. Реформы в зеркале международных сравнений, с. 50). Более того, кроме восторженных оценок китайских реформ, заслуживает не меньшего внимания и объективная критика негативных результатов из-за затягивания процесса реформирования (Блейер М. Китай. Затянувшиеся реформы и ослабление налогового-бюджетного контроля. В кн.: Переход к рынку: изучения реформ в налогово-бюджетной сфере. Под ред. В. Танзи. Вашингтон, МВФ).

Отсутствие упомянутого выше первого необходимого условия практической реализации градуализма, а также ряд других причин исключает возможность серьезного обсуждения вопроса о применимости китайского опыта в "предразвальном" СССР и во многих постсоветских странах¹, хотя некоторые экономисты очевидным образом забавляются анализом такой утопической модели; наиболее наглядным примером такого заблуждения является обсуждение данного вопроса старшим вице-президентом и главным экономистом Всемирного банка Джозефом

¹ Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Куда же ведут реформы? (размышления по поводу статьи Дж. Стиглица). – Вопросы экономики, 1999, № 9, с. 10; Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков. – Вопросы экономики, 1999, № 11, сс. 6-9.

Стиглицом¹, что свидетельствуют о том, что он игнорирует историю создания СССР как империи и те политические и военные процессы, которые были вызваны развалом СССР. Рекомендую использование китайской модели, он, по всей видимости, бессознательно встал на позиции тех политических реваншистов, которые оплакивают развал советской империи.

Не менее значительным примером "градуалистского" подхода к рыночным преобразованиям являются реформы, проводимые в современном Узбекистане. В отличие от Китая в этой стране не был сохранен коммунистический режим, но на смену ему пришла система управления не менее авторитарного типа, которая, с одной стороны, опирается на исламские традиции, а с другой – вовсе не отрицает и псевдомодератические коммунистические методы (например, допущение к парламентским выборам 1994 года только двух партий, поддерживавших президента, или успешное проведение референдума по перенесению срока президентских выборов, и т.п.). Особым достижением узбекской модели "постепенного реформирования" в области экономики воспринимается наиболее малая величина сокращения ВВП (за 1990-1995 годы лишь на 18%) среди постсоветских стран, сохранение объема промышленного производства почти на неизменном уровне, мобилизация значительных иностранных инвестиций. Здесь необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что Узбекистан является страной, богатой стратегическим сырьем (золото, нефть, хлопок, зерно), и это является определяющим фактором экономического подъема страны. Что же касается экономической политики, то все ее специфические черты, представляющиеся зачастую нерациональными, объясняются национальными особенностями, однако суть последних остается нераскрытой.

Экономика, находящаяся в процессе посткоммунистической трансформации, как правило, ассоциируется со значительным падением объемов ВВП и промышленного производства², производительности труда, инвестиций, реальных доходов. В результате же успешного проведения реформ на смену спаду производства приходит подъем³, вследствие чего этот процесс иллюстрируется U-кривой¹.

¹ Stiglitz J.E. Whither Reform? Ten Years of the Transition. Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30, 1999. Washington, The World Bank, 1999, pp. 1-3, 25; Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). – Вопросы экономики, 1999, № 7, сс. 4-6, 29.

² Это сокращение происходит прежде всего за счет спада производства на предприятиях, созданных до посткоммунистической трансформации (Konings J., Walsh P.P. Disorganization in the Transition Process: Firm Level Evidence from Ukraine. Center for Transition Economics, LICOS Discussion Paper 71/1998. Leuven, Katholieke Universiteit Leuven, 1998).

³ Central and Eastern Europe: Roads to Growth. Papers Presented at a Seminar Held in Baden, Austria, April 15-18, 1991. Moderator G. Winekler. Washington, IMF, 1992. Здесь же необходимо отметить, что среди экономистов пока еще не достигнуто еди-

Накопленный опыт проведения быстрых экономических реформ свидетельствует о значительном ухудшении условий жизни большинства групп населения², вызванном спадом производства, ростом цен, сокращением реальных доходов, (данное явление исследуется, как "трансформационный спад"³, "трансформационный кризис", "посткоммунистическая великая депрессия" ("Post-Communist Great Depression"), "ловушка реформы", причину чего следует искать не в самом методе "шоковой терапии", а в отказе от нее⁴, в крахе старой экономической системы⁵, ибо страны, избравшие "шоковый" путь реформ, первыми вошли в фазу нового экономического подъема⁶). Именно на этот аргумент ссылаются, когда применению метода "шоковой терапии" пророчат большой успех в странах, где дореформенное (точнее, "дошоковое") экономическое положение настолько неудовлетворительное, что население готово пережить все, лишь бы преодолеть имеющиеся трудности⁶. В этом случае отрицательные последствия "шока" так минимальны, а положительные результаты настолько зримы, что это практически не создает особых политических трудностей реформаторскому правительству. Таким образом, для периода начала успешной реализации реформ путем "шоковой терапии", по нашему мнению, справедливым является парадокс: "чем хуже – тем лучше". Исходя из сказанного, для страны, находящейся на пределе (или почти на пределе) выживания, "шоковую тера-

ного мнения о причинах, обуславливающих экономический подъем (Tanzi V. Economic Transformation and the Policies for Long-Term Growth. In: Macroeconomic Stabilization in Transition Economies, pp. 315 – 316). Для полноты освещения данного вопроса добавим, что, по справедливому замечанию Дж. К. Гэлбрейта, "... экономический рост почти всегда вызывает к жизни порожденные им самим же деструктивные тенденции", вследствие чего неизбежной становится рецессия или депрессия (Иноземцев В. Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития, с.14).

¹ Blanchard O. The Economics of Post-Communist Transition. Oxford, Clarendon Press, 1997, pp. 1-20.

² Ухудшения уровня жизни населения можно избежать исключительно лишь при наличии таких условий, в которых стал возможен китайский опыт посткоммунистических реформ. Во всех остальных случаях этого избежать в принципе нельзя из-за невозможности проведения институциональных реформ в сжатые сроки. Поэтому можно только удивляться высказываниям типа "... убей не пойму, и не я один, почему реформы обязательно связаны с резким ухудшением уровня жизни населения..." (Бирман И. Я – экономист (о себе любимом), с. 528).

³ Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков, с. 11.

⁴ Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М., Экономика, 1995, с. 53.

⁵ Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М., Евразия, 1997, с. 11. de Melo M., Denizer C., Gelb A. From Plan to Market: Patterns of Transition. In: Macroeconomic Stabilization in Transition Economies; Gomulka S. Output: Causes of the Decline and Recovery. In: Emerging from Communism. Lessons from Russia, China, and Eastern Europe. Ed. by P. Boone, S. Gomulka, R. Layard. Cambridge, The MIT Press, 1998, pp. 31 – 36.

⁶ Гайгер Л.Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика, с. 388.

пию" следует применить практически безоговорочно и при этом можно быть уверенным в положительных результатах. Такие случаи предлагаем квалифицировать как *"минимальный шок при максимальной терапии"* (*"Minimal Shock with Maximum Therapy"*) или *"мягкий большой удар"*, *"мягкий большой рывок"*, *"мягкий большой скачок"* (*"Soft Big Bang"*).

Здесь целесообразно указать еще на одну интересную интерпретацию рассматриваемого процесса, которая основывается на характеристике экономической системы до посткоммунистической трансформации в свете общепринятого деления стран на страны с "развитой" и страны с "развивающейся" экономикой. А. Липовски на примере польской экономики (что вполне можно распространить и на другие страны коммунистического лагеря) делает заключение, что до посткоммунистической трансформации ее можно квалифицировать как экономику, "развитую ошибочным путем" (*"Misdeveloped"*) и характеризующуюся: а) чрезмерно высокой долей (за счет "ущемления" долей внешней и внутренней торговли и услуг) промышленности в ВВП; б) чрезмерно высокой долей производства средств производства в промышленном производстве; в) неудовлетворительно низкой долей конкурентоспособной на международном уровне продукции в промышленном производстве; г) широкими масштабами невостребованной покупателями произведенной продукции; д) чрезмерно высокой долей производства устаревшей продукции в промышленном производстве (Lipowski A. *Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994*. Warsaw, ASRC and CSER, 1998, p. 9). Исходя из этого вместо терминов "спад" или "кризис" А. Липовски предлагает использовать "даивестицию" (*"Divestment"*) (Drusker P.F. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. New York, 1986; Taylor M.L. *Divesting Business Units*. Toronto, 1988) как процесс "сбрасывания" вышеперечисленных патологий "ошибочным путем развитой" экономики (Lipowski A. *Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994* pp. 31-32).

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, согласно общепринятому мнению, с целью облегчения тягот посткоммунистического перехода к рынку развитые страны должны экономически помогать посткоммунистическим, что в действительности может оказаться тормозом для реальных реформ, ибо эта помощь ослабит остроту необходимости безотлагательных рыночных преобразований и соответствующие правительства начнут оттягивать время проведения радикальных реформ. С целью предотвращения подобных негативных эффектов Дж. Сакс считает необходимым финансовую поддержку реформаторским правительствам увязывать с жесткими условиями реформирования экономики и при этом значительно увеличить объемы этой поддержки

для облегчения социальных тягот населения, что, несмотря на привлекательность самой идеи, является спорным¹.

Поддержка той или иной модели экономической политики со стороны посткоммунистического государства исходит из того, насколько учитывается творцами этой политики, их сторонниками и оппонентами вышеуказанное необходимое условие "постепенного реформирования".

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что оппонентами метода "шоковой терапии" используются следующие аргументы: а) лежащая в его основе монетаристская схема (точнее, сочетание неоклассической теории с монетаризмом, когда первая является идейным фундаментом, а второй – руководством к действию²) не пригодна для решения проблем посткоммунистической трансформации; б) этот метод вовсе не базируется на истинном монетаризме, так как в действительности якобы опирается на "фальсифицированный монетаризм"³; в) он (метод) пригоден для "лечения" рынка, но не для перехода к рынку, не для его создания⁴. Так как монетаристский подход к посткоммунистическим реформам лежит в основе финансово-экономических программ, разрабатываемых экспертами Международного валютного фонда и Всемирного банка, то оппоненты метода "шоковой терапии" автоматически критикуют и эти программы⁵. Здесь следует отметить, что критика последних имеет и т.н. "допосткоммунистическую", "дошоковую" (в современном понимании) историю⁶.

Особо следует подчеркнуть усилившееся в последнее время противостояние между Всемирным банком и Международным валютным фондом. Первый не разделяет концептуальные подходы второго, ставит вопрос об их ревизии и формулирует качественно новые подходы, со-

¹ The World Economy in Transition. What Leading Economists Think, pp. 128-130.

² Меньшиков С.М. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку, сс.106-107.

³ Ольсевич Ю. Монетаризм и Россия: проблема совместимости. – Вопросы экономики, 1997, № 8.

⁴ Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней, сс. 194-195. Эта идея развита в работе: Меньшиков С.М. Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку, сс.113-115. Есть и другие обвинения в адрес Международного валютного фонда, критическая оценка которых дается в работе: Сегвари И. Семь расхожих тезисов о российских реформах: верны ли они?, сс. 48-51.

⁵ Бытует мнение, что цели, провозглашаемые МВФ, не противоречат задачам экономической безопасности России, но общие рекомендации МВФ применительно к специфическим условиям России ставят под угрозу ее безопасность (Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. М., РЭА, 1998, сс. 328, 362).

⁶ Например, Nafziger E.W. The Economics of Developing Countries, pp. 566-574.

гласно которым следует отказываться от "шокотерапевтического" подхода к институциональным преобразованиям¹.

О новейших направлениях развития экономической мысли. Взаимобусловленность и взаимовлияние экономической и политической свобод дает ключ к пониманию значительного влияния политических факторов на процесс посткоммунистического перехода к рыночной экономике, из-за чего возможность применения теории "общественного выбора" ("Public Choice")² для исследования проблем этого перехода, как бы напрашивается сама. Несмотря на то, что эта теория зародилась в отношении экономических систем развитых стран, впоследствии все большее внимание уделяется ее применению к экономике развивающихся стран. Подобное приложение теории "общественного выбора" в соответствующей научно-экономической литературе квалифицируется как "новая политическая экономия"³, и при этом приводятся примеры ее распространения и на реформы в посткоммунистических странах.

Имеются все основания считать, что приложение теории "общественного выбора" к проблемам посткоммунистического экономического развития будет достаточно эффективным для исследования механизмов ускорения или торможения движения к рыночной экономике⁴.

Для выработки конструктивных направлений экономических реформ плодотворным следует признать приложение эволюционной теории⁵ к посткоммунистической трансформации⁶. Основным "инструментом" данной

¹ Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов); Stiglitz J.E. Whither Reform? Ten Years of the Transition. Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30 1999. Washington, The World Bank, 1999.

² В. Автономов считает, что русский перевод "Public Choice" как "политического выбора" больше соответствует содержанию данной теории, чем распространенный в русскоязычной литературе перевод – "общественный выбор" (Автономов В. Политическая экономия переходного периода, с. 8).

³ Paulson B.W. Economic Development: Private and Public Choice. St. Paul, West Publishing Company, 1994, p. 97.

⁴ Например, Mirrel P. Public Choice and the Transformation of Socialism. - Journal of Comparative Economics, 1991, vol. 15 No. 2 (June); Хиллман А.Х. Западноэкономические теории и переход от социализма к рыночной экономике: перспективы общественного выбора. Экономика и математические методы, 1996, том 32, вып. 4; Афонцев С. Неопределенность и проблемы экономической трансформации. Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 10.

⁵ Hamilton D. Evolutionary Economics. A Study of Change in Economic Thought. New Brunswick, Transaction Publishers, 1991. Nelson R., Winter S. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press, 1996.

⁶ Мюррел П. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством. В кн. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы, М., Российский государственный гуманитарный университет, 1994.

теории является понятие "рутины"¹ как сложившихся правил и способов поведения фирмы, которые регулируют воспроизводимость ее действий. Исходя из анализа "рутин", сложившихся у организаций дореформенных времен, последователи эволюционной экономической теории предлагают стимулирование создания новых организаций рыночного типа, которые должны сосуществовать вместе с постепенно преобразующимися старыми организациями (различие между трансформациями в рыночную экономику "сверху-вниз" ("Top-Down") и "снизу-вверх" ("Bottom-Up") заключается в том, что если первое направление предполагает приватизацию государственных предприятий, то согласно второму – экономическая структура должна меняться путем создания новых предприятий и в развитии уже существующих частных фирм². Это, наряду с соответствующей макроэкономической политикой, основанной на временном сохранении мягких бюджетных ограничений предприятиям, должно обеспечить эволюционный переход от коммунистически ориентированной экономической системы к рыночной. Здесь необходимо отметить, что согласно идеям концепции "Рамки всеобъемлющего развития" предпочтение следует отдать подходу "снизу-вверх".

С эволюционной экономической теорией во многом совпадает теория хозяйственного порядка, дающая "ключ" к пониманию складываю-

Здесь же следует особо упомянуть институциональный анализ посткоммунистической трансформации экономики (например, Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа. Вопросы экономики, 1997, № 3; Нестеренко А. Современное состояние и основные проблемы институционально-эволюционной теории. Вопросы экономики, 1997, № 3; Олейник А. Сценарии институционального развития переходного общества. Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 7; Олейник А. В поисках институциональной теории переходного общества. Вопросы экономики, 1997, № 10; Тамбовцев В. Институциональная динамика в переходной экономике. Вопросы экономики, 1998, № 5; Интрилигатор М. Реформа Российской экономики: роль институтов. Экономика и математические методы, 1997, том 33, вып. 3; Intriligator M.D., Braginsky S., Bowen H.J.R., Tullock G., Root H.L. Role of Market Institutions in Pacific Rim Development and Transition; Papava V., Khaduri N. On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An Institutional Analysis. - Problems of Economic Transition, 1997, vol. 40, No. 6.

¹ Следует согласиться с Н.А. Макашевой, что перевод термина "routines" (дословно – "рутины") как "стереотипов" является равнозначным по смысловой нагрузке (в кн. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы, с. 69). Термин "стереотипы" используется и в других русскоязычных изданиях, касающихся применения эволюционной теории к проблемам посткоммунистической трансформации (например, Садыгов Ш.М. Макроэкономическое управление и магистральные модели. Баку, Элм, 1999, сс. 12-15).

² Brezinski H., Fritsch M. Bottom-Up Transformation: Prerequisites, Scope and Impediments. - International Journal of Social Economics, 1995, vol. 23, № 10/11, p. 297.

щихся в реформируемых экономиках структур в зависимости от страны и данного исторического периода¹.

Эволюционный подход к посткоммунистическому развитию экономики иногда ошибочно отождествляется с подходом "постепенного реформирования". При этом из внимания ускользает тот факт, что метод "шоковой терапии" не может весь процесс посткоммунистической трансформации "сжать" в единичный акт. Для уяснения этого вопроса необходимо учесть, что переход к рыночной экономике требует реализации комплекса мероприятий шести типов²:

- 1) по макроэкономической стабилизации;
- 2) по минимизации цен;
- 3) по либерализации внешней торговли и обеспечению конвертируемости национальной валюты по текущим операциям;
- 4) по реформе предприятий, прежде всего, путем приватизации;
- 5) по созданию сети социальной обеспеченности;
- 6) по формированию институционально-правовой структуры (в том числе и финансовой системы рыночного типа) рыночной экономики.

Если первые три из приведенного перечня мероприятий можно реализовать быстрыми темпами (что, с одной стороны, является основным моментом метода "шоковой терапии", а с другой, сутью "концепции Вашингтонского консенсуса", на которой и основываются программы, разрабатываемые Международным валютным фондом для развивающихся и посткоммунистических стран), то три остальных требуют более длительного времени осуществления, не говоря о последнем мероприятии, ибо создание полноценных рыночных институционально-правовых структур из-за особой сложности может потребовать даже десятилетия³. Здесь следует подчеркнуть, что формирование рыночных институтов "шокотерапевтическим" подходом в принципе невозможно, но признание того, что хотя бы теоретически было возможным начать посткоммунистические реформы институциональными преобразованиями и лишь

¹ См. Гутник В. Ренессанс теории хозяйственного порядка. – Мировая экономика и международные отношения, 1996, № 10, с. 7. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., ПРОГРЕСС, 1995; Ойкен В. Основы национальной экономики. М., Экономика, 1996. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. Под ред. В.С. Автономова. СПб., Экономическая школа, 1999.

² Lipton D., Sachs J. Grating a Market Economy in Eastern Europe: the Case of Poland. Данный комплекс мероприятий может быть рассмотрен и в несколько иной группировке, когда макроэкономическая стабилизация делится на монетарную и фискальную части, а реформа предприятий и формирование институционально-правовой структуры представлены в одной группе мероприятий (Wolf Ch. Jr. Markets or Governments. Choosing between Imperfect Alternatives. Cambridge, The MIT Press, 1994, pp. 170 – 176).

³ От плана к рынку. Отчет о мировом развитии – 1996, сс. 11 – 12.

по их завершении проводить либерализацию и стабилизацию, означает отказаться на длительный период от формирования рыночных сигналов развития предпринимательства, пойти на "замораживание" значительной части коммунистических механизмов хозяйствования. Таким образом, признание оправданным начать посткоммунистические реформы исключительно институциональными преобразованиями означает надолго отдалить страну от рыночной экономики, от демократических начал экономического устройства общества.

Из-за этой большой протяженности во времени всего процесса посткоммунистической трансформации логически встают вопросы о том, как должен быть продолжен "большой удар", что следует после него, какие вопросы должны решаться правительством для закрепления и развития результатов после "большого удара".

Один из возможных вариантов ответов на эти вопросы дает метод "социального стимулирования" ("Social Promotion") экономических реформ, согласно которому должны быть созданы такие условия, которые ускорили бы социальную стратификацию общества на базе формирования значительного слоя предпринимателей. Для поддержки реформ со стороны острануждающихся слоев населения предполагается провести целенаправленную социальную политику для облегчения их экономического положения¹. Теоретически метод "социального стимулирования" основывается на использовании широко известных механизмов стимулирования предложения и спроса на базе "Лафферо-Кейнсианского синтеза"².

В заключение необходимо отметить, что пока еще не создана специальная экономическая теория посткоммунистической трансформации; она только сейчас разрабатывается. Но, несмотря на это, известные экономические теории, синтез их отдельных фрагментов с большим или меньшим успехом могут быть использованы как для экономического анализа краха коммунистически ориентированной экономики³, так и для формирования механизмов экономической политики посткоммунистической трансформации⁴.

¹ Papava V. The Georgian Economy: From «Shock Therapy» to «Social Promotion», pp. 260-267; Papava V. «Social Promotion» of Economic Reform in Georgia. - Economic Systems, 1996, Vol. 20, No. 4; Papava V. The Georgian Economy: Main Directions and Initial results of Reforms, pp. 281-291.

² Papava V. The Georgian Economy: From «Shock Therapy» to «Social Promotion», pp. 263, 264, 266-267; Papava V. The Georgian Economy: Main Directions and Initial results of Reforms, pp. 287-291.

³ Например, Evolutionary Dynamics and Collapse of Soviet-Bloc Socialism. - Review of Political Economy, 1997, Vol. 9, No. 4.

⁴ Например, Sušjan A., Lah M. Inflation in the Transition Economies: the Post-Keynesian View. - Review of Political Economy, 1997, Vol. 9, No. 2.